

Екатерина Янина

Сны Фрэнни Голдсмит

Фрэн проснулась в холодном поту и резко села в кровати. Резко – насколько это было возможно при ее семимесячной беременности. Она никак не могла справиться со своим дыханием, сердце колотилось, как бешеное. Стью повернулся и пробормотал сквозь сон:

- Что случилось, милая?
- Ничего... спи, сейчас все пройдет.

Тихо, стараясь не шуметь, чтобы окончательно не разбудить своего мужа, Фрэнни пробралась на кухню. Там она налила себе стакан холодной воды, подошла к окну и прижалась лбом к прохладному стеклу.

«Сколько можно? Когда это закончится? Я не могу больше!» - думала она в который раз за последние месяцы. – «Все жители Боулдера видят сны о Нем, но не могут же все видеть такой ужас! За что мне это?..» Фрэн расплакалась. Она постоянно рыдала в последнее время и очень старалась, чтобы все считали ее настроение обычными капризами беременной. Так и получилось - даже Стью ничего не знал о том, почему его жена практически каждую ночь проводит в слезах.

Девушка медленно допила воду и повернулась в сторону спальни. Взгляд ее нашел дверцу кухонного шкафа рядом с окном. Фрэнни открыла ее и посмотрела на баночку с валиумом. «Нет, нельзя», - подумала она. – «Я еще могу терпеть, а ребенку вредно». Малыш тут же повернулся у нее в животе, как будто услышал ее мысли и поблагодарил. Фрэнни улыбнулась: «Спи, мой золотой. У нас все будет хорошо. Спи, моя радость».

Медленно, придерживая свой уже заметный живот, она пошла в спальню. Стью безмятежно спал. Фрэнни полюбовалась им несколько минут, легла рядом и тут же уснула... но ненадолго.

Утром она еле смогла дождаться момента, когда Стью наконец уйдет по делам Комитета. Ей было крайне необходимо остаться одной, сдерживаться она больше не могла. Как только за Стью закрылась дверь, Фрэнни убежала в ванную и стала крушить там все подряд: полотенца полетели на пол, баночки разбились, цветные пятна шампуня потекли по стенам. Разбив все, что только можно, Фрэн обессилела и опустилась на пол. Она не смогла уснуть до утра, и провела почти всю ночь на кухне со стаканом воды. В голове шумело, руки дрожали, глаза были красные и опухшие, ноги не держали. Фрэнни посмотрела на погром, который только что учинила, и подумала, что скоро станет опасной для общества и, по всему выходит, придется ей первой в городе обживать тюремную камеру в полицейском участке, о необходимости которой в последнее время шли такие бурные дебаты в Комитете. Девушка улыбнулась, несколько раз глубоко вздохнула и принялась наводить порядок в ванной. «Лучшее средство от депрессии – физическая работа», - почти весело подумала она. – «А от ночных кошмаров чем спастись?»

Фрэн пробовала уже все. Или почти все. Она нашла книгу с упражнениями йоги, еще какую-то литературу о технике расслабления, прочла все книги для беременных, которые только смогла достать в библиотеке Боулдера. Мисс Голдсмит («Или все-таки миссис Редмен?» - шутили они со Стью) была теперь экспертом в этой области и вполне могла читать лекции о расслаблении и здоровом сне, а то и проводить занятия. В результате она добилась того, что практически мгновенно могла уснуть где угодно и когда угодно, но потом... начиналось то, что составляло ужас всей ее нынешней жизни. Фрэнни хотела поговорить об этом с мужем или кем-то из друзей, но что-то ее все время останавливало. Иногда она сама не решалась, иногда у кого-то из рук внезапно падала чашка, или случалась

лось что-то подобное, тогда Фрэн отвлекалась и забывала, о чем начинала говорить. Однажды она набралась решимости и попыталась поговорить с матушкой Эбигейл, но набожная старушка практически не стала слушать девушку, тут же пустившись в рассуждения об испытаниях Господних и о том, с какой терпимостью к ним следует относиться всем «заблудшим овцам», а в особенности тем из них, кто готовится явить миру чудо рождения нового человека. Фрэн давилась очередной кукурузной лепешкой, пытаясь сдерживать смех, и понимала, что ее хватит ненадолго. Нет, положительно, матушка растеряла большую часть своей магии после переселения уцелевших людей в Боулдер.

Машинально расставляя по полкам в ванной уцелевшие вещи, девушка размышляла, что она может предпринять еще. Внезапно ее осенило. Она вспомнила о Филе Лоуренсе, который жил один на другом конце города. Фил в прошлом был психотерапевтом (или психоаналитиком – Фрэн никогда не могла разобраться, в чем разница), а теперь работал на электростанции. «У жителей Боулдера нет проблем – им не нужна психологическая помощь», – хихикнула про себя Фрэн, и стала собираться. – «В конце концов, он для меня – совершенно незнакомый человек. Может быть, скажет что-то полезное? И как я сразу не додумалась к нему сходить?» В приподнятом настроении девушка привела себя в порядок и отправилась к Филу.

По дороге ей пришла в голову запоздалая мысль, что его может не оказаться дома, или он может не очень обрадоваться ее визиту. «Ну и что делать, позвонить заранее я все равно не смогу», – настроение у Фрэнни все улучшалось, и к дому Фила она подошла уже в совершенно прекрасном расположении духа.

Как ни странно, бывший психоаналитик оказался дома и ничем не проявил неудовольствие от неожиданного визита.

- Проходите, я как раз собирался пить чай! – крикнул он из летней кухни, услышав стук Фрэн. – Дверь открыта!

Фил Лоуренс был жизнерадостным человеком, который любил вкусно поесть и приобрел вследствие этого некоторую дородность. Впрочем, это его не портило, а может быть, даже украшало и придавало определенное обаяние. После нескольких минут обязательных вопросов об общих знакомых и разговоров о погоде, Фил спросил, что же привело к нему жену главы городского Комитета. Фрэн смутилась:

- Я слышала, что вы раньше были психотерапевтом... дело в том, что у меня есть некоторые проблемы, и мне не с кем это обсудить.

Фил ободряюще пожал ее руку:

- Фрэнни... вы позволите так себя называть? Так вот, Фрэнни, если я чем-то могу вам помочь, я с удовольствием это сделаю. Расскажите, что вас тревожит?

Девушка собралась с духом и начала свой рассказ:

- Понимаете... мы все видели кошмары о Темном человеке, правда? И я видела их, как все остальные, но пару месяцев назад добавилось еще что-то. Как раз, когда ребенок начал шевелиться... Я начала видеть в кошмарах свою мать.

- У вас были плохие отношения с родителями? – спросил Фил.

- Нет... не то, чтобы плохие. Я очень любила своих родителей. Конечно, с мамой у нас было не все гладко временами, но я знаю, что она меня любила тоже, и никогда бы не сделала мне ничего плохого. Просто... дело в том, что в моих снах она хочет убить моего малыша.

Фил не перебивал. Фрэн закрыла глаза, вспоминая...

- Когда мне в первый раз это приснилось, я думала, что умру. Правда. У меня сердце почти остановилось. Я помню этот сон так же хорошо, как и тогда. Я работала в саду, была прекрасная погода, а мама позвала меня обедать. У нее было прекрасное настроение, и она улыбалась. А когда я пришла, она превратилась в какое-то чудовище. Нет, она по-

прежнему оставалась моей матерью, но это был уже не человек. Она схватила большой нож и начала бегать за мной, пытаюсь ударить в живот. Она что-то шипела ужасное... я не помню точно... но я поняла, что она хочет убить не меня, она хочет лишиться меня ребенка!

Дрожащей рукой Фрэн взяла чашку и посмотрела на Фила глазами, полными слез.

- Продолжайте, - тихо ответил ей Фил.

- Да, конечно... С тех пор мне каждую ночь снится что-то подобное. Каждую ночь приходит кто-то из моих прежних знакомых и пытается убить моего сына. Все мои школьные подруги и приятели. Тетя из Аризоны, сестра из Нью-Йорка, даже подруга по переписке из Канады, которую я видела только один раз, и то на фотографии!

- Фрэнни, вы уже уверены, что будет мальчик? – Фил улыбнулся. – Откуда? И скажите, все эти люди, которые вам снятся... я правильно понял, что это все – ваши друзья, близкие, просто люди, которым вы симпатизировали?

- Да! Именно это самое страшное! Каждый раз одно и то же! Сны начинаются одинаково. Это очень реальные сны, я вижу все цвета, слышу все запахи, я даже ощущаю прикосновения. В любом сне получается одно и то же. Сначала я вижу кого-то из близких. Все хорошо, мы радуемся встрече, а потом внезапно начинается кошмар. Меня уже пытались убить ножом, задушить веревкой, утопить в ванне, сбросить в колодец. Один раз привязали к дереву и попытались раздавить машиной. В другой раз облили бензином, чтобы сжечь. Каждый раз я просыпаюсь в последний момент. Когда нож уже касается моей кожи, когда табуретка падает из-под ног, фитиль догорает, когда я делаю последний вдох под водой...

Фрэн больше не могла сдерживать рыдания. Фил налил ей еще чая и протянул коробку с салфетками. Немного успокоившись, девушка продолжила:

- Это ужасно, вы понимаете? Я не могу ничего с этим сделать, я живу в кошмаре каждую ночь. Каждое утро я с ужасом думаю о том, что наступит вечер. Когда я просыпаюсь ночью после кошмара, мой малыш вертится так, что я боюсь... вы понимаете. Я боюсь, что все может случиться преждевременно, и... он пострадает, – Внезапно Фрэн просветлела. – И, конечно, у меня мальчик. Как я могу сомневаться, я же знаю его. Я разговариваю с ним, он мне отвечает. О, я вижу ваш настороженный взгляд! Видимо, вы полагаете, что у меня бред. Хотя иначе и быть не может, вы же мужчина... вы не знаете, что такое жить жизнью своего ребенка, а особенно, если он еще не родился.

Фил смущенно закашлялся:

- Фрэнни, я нисколько не считаю бредом то, что вы говорите. Женщина, которая ждет ребенка – особенный человек. Вам, возможно, открывается то, о чем другие люди понятия не будут иметь всю свою жизнь. То, что вам снятся кошмары – безусловно, плохо, но понятно. Мы все пережили ужас после эпидемии, потеряли семьи... а вы еще и в положении. Вы просто боитесь, Фрэн, и ваши страхи проявляются в снах. Вы очень напряжены. Понимаю, вы сочтете это банальностью, но иногда самые простые методы дают потрясающие результаты. Отдохните, Фрэн. Отвлечитесь от проблем, думайте о ребенке, больше гуляйте. Сейчас воздух такой, что не проводить на улице все свое время – преступление!

Фрэн слабо улыбнулась.

- Нет, Фил, я все это уже проходила. Думаю, в моих снах есть что-то еще. Как только начались мои кошмары, мне сразу же перестал сниться Темный человек.

Фил расхохотался:

- Видите, у вас уже получается бороться с этим! У меня складывается впечатление, что вы специально не пускаете его в свои сны! Фрэн, надо продолжать в том же духе, и очень скоро – я уверен! – вы будете вспоминать о своих снах, как о... кошмарных снах!

Фил с удовольствием рассмеялся своему каламбуру, но Фрэн не могла разделить его радость. «Он не понял», - в отчаянии подумала она. – «Нет, он не может понять, он думает, что у меня простая истерика». Девушка решила сделать еще одну попытку.

- Фил, вы неправильно меня поняли. Мне не становится лучше. Все как раз наоборот. Каждую ночь меня пытаются убить более жестоким способом. Каждый раз я вижу человека, который мне более близок и приятен, чем был вчера. На днях, например, я видела Гарольда. Вы помните его? Да, я вижу, что помните. Во сне я видела его в церкви, на нашей со Стью свадьбе. Гарольд был шафером, мы долго говорили с ним о том, какие ошибки сделали, о том, как были неправы в свое время. Он был счастлив, Фил. Он простил и меня, и Стью. Этот сон мог оказаться самым счастливым в моей жизни, если бы Гарольд внезапно не достал пистолет и не выстрелил бы в моего мужа. А потом в меня. Но перед этим он сказал такое... такое... И у него были страшные глаза. Черные, расколотые пополам красной молнией! Это было ужасно...

Фрэн рыдала навзрыд.

- Успокойтесь, Фрэн, не надо, - Филу уже было не до смеха. – Вам нет нужды переживать это еще раз. Наоборот, постарайтесь забыть плохое и вспоминать только хорошее.

Но Фрэн не могла остановиться.

- Нет! Я пришла сюда, чтобы все рассказать, и я сделаю это! Может быть, если вы дадите мне закончить, хоть это поможет! А вчера? Вы знаете, кто приходил ко мне вчера? Мой отец! Человек, который во мне души не чаял, и которого я всегда любила больше жизни! Он снился мне таким, каким был во время эпидемии... но только он не умер, а начал поправляться, и мы остались с ним жить в нашем доме, и не пошли ни в какой Боулдер! Потому что зачем мне нужен какой-то город и какие-то люди, когда я могу жить в своем доме с о своим отцом, и никто нам больше не нужен?! И вы знаете, что он со мной сделал, Фил? Рассказать вам, хотите послушать?!

Лоуренс был уже напуган и боялся, что ему не удастся это скрывать.

- Фрэнни, Фрэнни... успокойтесь, - начал он своим профессиональным «успокаивающим» голосом. – Я вас очень хорошо понимаю, не сомневайтесь. Но послушайте и вы меня. Я абсолютно серьезно считаю, что вы перенапряжены. А отсюда и все ваши кошмары. И когда я говорю, что вам надо успокоиться и отвлечься, я говорю это совершенно искренне, а не для того, чтобы вы поскорее ушли. Я понимаю, что вам трудно справиться с этим в одиночку. Но ведь существуют различные способы расслабиться...

Фрэн перебила:

- Я все уже это пробовала! Я знаю все, что вы можете мне об этом сказать! И понимаю, что вы не скажете ничего нового и ничем мне не поможете! Зря я к вам пришла...

- Нет, Фрэнни, что вы... совершенно не зря. Если хотите, можете приходите хоть каждый день, я всегда буду рад помочь, чем смогу. И действительно, в одиночестве труднее справиться с вашим состоянием. Я бы порекомендовал еще какие-либо успокоительные средства. И не надо смотреть на меня с таким возмущением, я прекрасно помню, что вы в положении. Вы удивитесь, но и для женщин, которые ждут ребенка, существуют определенные средства, которые помогают им успокоиться без вреда для малышей. У вас сейчас такое состояние, которое само по себе – большой стресс. И поверьте, вы не первая, кто испытывает страх перед рождением ребенка. Это же ваш первый малыш?

Фрэн кивнула, постепенно успокаиваясь.

- Вот и хорошо. Я рад, что мы поняли друг друга. Хочу вам предложить вот что. Давайте прямо завтра с утра пойдем в больницу и посоветуемся с нашим доктором о безопасном препарате для вас? Вы не возражаете? Насколько я помню, вы должны быть знакомы.

- Да, конечно. Он же консультирует меня по поводу беременности, Фил.

Фил картинно хлопнул себя по лбу:

- Ну естественно! Как я сам не подумал, иначе и быть не может! Тем более. Мы завтра пойдем вместе и с ним поговорим. А сегодня я могу сходить в больницу сам, без вас, чтобы обсудить с ним ваше состояние, так сказать, коллегиально. Если вы не возражаете, конечно.

Убаюкивающие интонации Фила делали свое дело. Фрэн постепенно начинала думать, что это действительно очень логичное и правильное решение. «Все-таки надо было рассказать о моих снах кому-то, кто в этом понимает», - думала она. – «Жаль, что мне не пришло это в голову раньше». Фрэн совершенно успокоилась, и теперь с легким недоумением вспоминала истерику, которую только что устроила этому симпатичному человеку. Она засобиралась домой. Фил проводил ее до дороги, постоянно рассказывая что-то успокаивающее. Они попрощались, договорившись встретиться в девять утра в холле городской больницы.

«Надо будет рассказать Стью о моих снах», - думала Фрэн, готовя ужин. – «Фил прав, не нужно держать это в себе. Стью – теперь самый близкий человек для меня, его любовь обязательно мне поможет».

В таком же приятном расположении духа она встретила своего мужа, совершенно не замечая того, что его что-то тревожит. Вечером они по своему обыкновению вышли посидеть на крыльце на заднем дворе. Была у них такая традиция. Новая, а потому свято соблюдаемая, как во всех молодых семьях. Обычно они сидели, обнявшись, Фрэн опускала голову на плечо Стью, и они рассказывали друг другу, как у них прошел день. Стью говорил о делах Комитета и о городских проблемах, Фрэн рассказывала о малыше. Вот и сейчас они начали почти одновременно:

- Стью, мне нужно тебе что-то рассказать о себе и о ребенке...

- Фрэнни, у нас есть некоторая проблема...

Фрэн испугалась, начисто забыв о том, что собиралась сказать:

- Что случилось? Опять появились заболевшие? Или новости... с Запада?

Стью тяжело вздохнул и рассказал о решении идти на Запад, к темному человеку. Он не смотрел на Фрэн, объясняя, что этот поход совершенно необходим для всего города... да и для всего человечества. Лари, Гвену и Ральфу тоже не хотелось уходить, но они понимали, что должны сделать это. Но Фрэн не было дела до остальных.

- И когда ты уходишь?

- Завтра утром...

Фрэн старалась не дышать. Она боялась, что если она только пошевелится, то ярость, которая переполняла ее, вырвется наружу и... думать не хотелось о том, что будет. В то время, как Стью рассказывал о том, как тяжело было принять такое решение, и о том, почему нужно идти на Запад прямо сейчас, внутри Фрэн все просто кипело от негодования. Ей хотелось вцепиться в него, царапаться, кусаться, порвать на мелкие части, выпустить из него кровь! Наплевать на человечество! Какое ей дело до человечества, когда он уходит и бросает ее одну наедине с кошмарами, от которых она никогда теперь не избавится! Слезы выступили у нее на глазах. Фрэн была очень рада, что вокруг темно, и Стью не мог увидеть, в каком она состоянии. А он все говорил и говорил о важности своей миссии, как будто ей было до этого дело! В конце концов, Фрэнни собрала все свои силы, и, как могла спокойно, ответила:

- Конечно, Стью, я тебя прекрасно понимаю. Ты не можешь поступить иначе, и это нужно для всех нас. Быть может, мы все умрем, если вы не пойдете на Запад к Флеггу.

Стью прижал жену к себе.

- Фрэнни... милая моя... спасибо тебе. Я так боялся, что ты меня не поймешь. Конечно, тебе достаточно было слова, чтобы я остался, но ты поняла! И не бойся ничего!

Наш ребенок должен появиться уже скоро, но я вернусь. Ты слышишь, я обещаю тебе! Нет, я клянусь, что вернусь до рождения малыша! Спасибо тебе, Фрэнни, я очень люблю тебя.

- И я люблю тебя, Стью, - произнесла она сквозь слезы.

В эту ночь ей ничего не снилось.

После того, как Стью ушел на Запад, Фрэн осталась дома одна и большую часть времени передвигалась, как сомнамбула. Люси приглашала ее перебраться к ней, пока Стью не «вернется со щитом», но Фрэн отказалась. Она сама не могла точно понять почему. Может, ей хотелось остаться в доме, который она обустроивала со своим любимым, и где каждая вещица напоминала ей о нем. Может быть, просто потому, что ей перестали сниться сны. Совершенно. Она иногда с улыбкой вспоминала каламбур Фила Лоуренса о том, что забудет о своих снах, как о кошмарах. Однажды ей пришло в голову, что они так и не пошли вместе в больницу. Но теперь это было и не нужно. Несколько раз Фрэн собиралась зайти к Филу в гости и рассказать ему о своем выздоровлении, но каждый раз что-то отвлекало... да и сам Фил ни разу не заходил. Фрэн действительно стала забывать свои кошмары. Видимо, так устроен человек - с готовностью забывает плохое. Если подумать, ничего странного – простое стремление выжить. Фрэн была спокойна. Разумеется, она волновалась за Стью, но жизнь шла своим чередом, ребенок рос, Фрэнни каждый день разговаривала с ним... а это и было для нее самым главным. Ей больше не хотелось общаться ни с кем, поэтому она избегала друзей, с которыми раньше с удовольствием проводила время. Конечно, Люси и все остальные заметили, как изменилась Фрэн, но они были хорошими друзьями. А хорошие друзья всегда понимают, если человек хочет остаться один, и никогда не станут ему навязывать свое общество... они и не навязывали.

Спустя пару недель после ухода Стью и остальных Фрэн проснулась с дурным предчувствием. Она сама не могла понять, что с ней такое. Ходила по своему дому из угла в угол, не могла сосредоточиться, все валилось из рук. В конце концов, Фрэн решила прилечь, но впервые за последнее время не смогла уснуть. Как только она проваливалась в сон, тут же появлялись какие-то странные картины. Она видела большую площадь, полную людей, Лари и Ральфа в каких-то странных колодках, незнакомого ей человека, который вез через пустыню что-то большое и почему-то страшное (Фрэн не могла понять, что) и распевал какие-то странные песни. Картины сменяли одна другую, девушка никак не могла уловить связь, и вообще понять, что происходит, как вдруг она увидела большой ядерный взрыв. И тут, вместо того, чтобы проснуться, Фрэнни окончательно провалилась в сон...

Вокруг девушки раскинулся выжженный дотла город. Видимо, это был Вегас, судя по обломкам неоновых щитов с надписями «казино» или «бар». Фрэнни шла среди обломков и обожженных тел, ребенок неистово толкался у нее внутри. Внезапно Фрэн увидела, что к ней со всех сторон подходят все люди, которые снились ей на протяжении последних месяцев. Она увидела Гарольда с простреленной головой, он шел к ней, покачиваясь, с топором в руке. Родители здесь тоже были. Они шли, протянув руки к Фрэн, и что-то угрожающе шипели. Глазницы их были пусты, кожа свисала клочьями с полусгнивших черепов. Ларри и Ральф тоже пытались добраться до нее, они выглядели не лучше. Фрэн прислушалась. «Отдай нам его! Отдай! Это наш ребенок!» - доносилось до нее со всех сторон. Голоса мало напоминали человеческие, скорее, это было шипение змей. Внезапно Фрэн пронзила дикая боль, она поняла, что ребенок сейчас родится. «Нет! Только не сей-

час! Только не здесь!!!» - девушка собрала последние силы и побежала прочь. Зомби устремились за ней. Вдруг ее позвали:

- Фрэн? Фрэнни, любимая? Сюда, скорее!

Голос был человеческий и он напоминал ей... нет, она не могла поверить! Это был Стью! Он, живой и невредимый, звал ее из-за каких-то развалин.

- Фрэн, скорее сюда, здесь безопасно! Они не смогут добраться до нас здесь.

Не видя ничего из-за слез, застилавших глаза, Фрэн побежала к своему любимому. Он подхватил ее, рывком затащил в какую-то дверь и тут же ее захлопнул. Немедленно со стороны улицы в дверь начали скрестись, Фрэн услышала сводящее с ума шипение. Стью обнял свою жену:

- Успокойся, милая, теперь все хорошо... они никогда не доберутся сюда.

Усадив жену на диван, Стью отошел налить ей воды. Фрэн сходила с ума от боли.

- Стью... мне кажется, ребенок сейчас родится. Я боюсь! Очень рано, он не должен родиться сейчас!

- Ты права... очень рано. Да и вообще не нужно.

- Что?!

- Подумай сама, дорогая, - Стью вернулся с водой и присел рядом с ней, - Вспомни, как хорошо нам было вдвоем. Зачем нам чужой ребенок? Может, у него не будет иммунитета. Давай прямо сейчас все закончим?

В его руке появился длинный острый нож. Стью улыбался. Его глаза были абсолютно черными.

- Сссскоро... сссскоро все будет как раньшешшше. Я буду любить тебя, Фрэн. Только тебя одну...

Он смотрел на нее, не мигая. Его черты начали меняться... это был уже не Стью. Фрэн была парализована от ужаса, она не могла пошевелиться, только ребенок протестовал, буквально разрывая ее изнутри. Она могла только смотреть, как поднимается над ней нож, как он медленно опускается, касается ее живота, мягко входит в плоть...

И Фрэнни проснулась. «Как всегда, в последний момент», - с облегчением подумала она, держась руками за живот. – «И ребенок жив». Да, он был жив и все так же рвался наружу. Фрэнни попыталась погладить его, как часто делала раньше. Она посмотрела вниз, и увидела кровь, льющуюся на пол сквозь пальцы. Крови было очень много. Так много, что Фрэнни не сразу поняла, что держит в руке нож. В глазах у нее потемнело, и она потеряла сознание, успев услышать голос своего отца:

- Поздно, Фрэнни... Очень поздно, девочка моя...

Стюарт Редмен сидел в приемном покое больницы Боулдера. Он никак не мог поверить в случившееся. Как только они с Томом выпрыгнули из снегохода, напряженные взгляды друзей сказали ему: что-то не так. Стью мог поверить в то, что роды были трудные. Он даже был готов смириться со смертью ребенка, если бы у него не оказалось иммунитета к гриппу. Но узнать, что его любимая покончила с собой, буквально изрезав себя на куски... этого он не мог осознать.

- Стюарт?

Это была Люси Андервуд. Она подошла к Стью и обняла его.

- Я не знаю, что сказать, Стью. Это ужасно. Никто из нас не может понять, почему это случилось... Но все мы благодарим Господа каждый день.

- За что?!!! – в ужасе Стью посмотрел на Люси.

- За ребенка. Как? Тебе не сказали?! Это рука Господа, не иначе. Ты знаешь Фила Лоуренса? Он был психоаналитиком до эпидемии. Фил не хочет подробно об этом говорить, но Фрэн, кажется, пару раз консультировалась с ним по поводу своих страхов. Фил

решил навестить ее как раз в тот день, когда она... сделала эту ужасную вещь. Увидел ее в крови без сознания и поднял тревогу. Если бы не он, ребенка бы не спасли. Ты хочешь его видеть?

Стью кивнул, не в силах вымолвить ни слова.

Большая палата для новорожденных была пуста. Только в одной кроватке что-то вертелось и попискивало. Стью и Люси подошли ближе.

- Правда, красавчик? Очень активный малыш, ни секунды не лежит спокойно, - Люси улыбнулась, с нежностью глядя на младенца.

Ребенок и правда был очень красив. Яркие голубые глазки, румяные щечки - заглядение. Малыш увидел Стью и потянулся к нему.

- Можно его взять? Навсегда? – Стюарту с трудом удавалось говорить.

- Конечно! Это же ваш с Фрэнни малыш! Как ты его назовешь?

Стью бережно взял мальчика на руки, погладил его по головке и вдохнул тот особый запах, который бывает только у младенцев.

- Фрэнк. Я назову его Фрэнк Редмен.

Малыш широко улыбнулся, радостно гукнул и схватил своего отца за палец гладкой, без единой линии, ладошкой. Он был абсолютно счастлив.